

УДК 94(47) 084.3(571)

UDC

DOI: 10.17223/18572685/63/7

Карпаторусское сообщество в социокультурном пространстве Сибири в годы гражданской войны (1918–1919 гг.): взгляд через призму истории эмоций*

К.А. Конев

Томский государственный университет

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Авторское резюме

В годы революционных событий и гражданской войны на территории Сибири и Дальнего Востока находилось несколько десятков тысяч уроженцев Прикарпатской Руси – как беженцев, так и военнопленных. Все они, включая членов Центрального карпаторусского совета (ЦКС), вынуждены были избирать различные стратегии адаптации к менявшейся обстановке. Вместе с тем это заставляло их выбирать какую-либо из сторон конфликта, что в свою очередь актуализировало проблему самоидентификации. Обращаясь к изучению данных вопросов с точки зрения истории эмоций, можно выстроить исследовательскую модель, которая позволит реконструировать и охарактеризовать применявшиеся рассматриваемым сообществом стратегии адаптации и самоидентификации как своеобразные попытки конструирования «эмоционального сообщества». Само же это конструирование могло происходить путём создания определённых «эмоциональных режимов», представлявших собой набор предписанных эмотивов – речевых актов, как описывавших какие-либо эмоции, так и изменявших или вызывавших их. Поскольку эмотивы могли выражаться в дискурсе и ритуалах, уместно обратиться к анализу содержания символической политики и средств массовой информации, в частности официального органа ЦКС – газеты «Карпаторусское слово». Цель данной работы – выявить в текстах газетных публикаций эмотивы, с помощью которых руководство ЦКС стремилось сформировать определенный эмоциональный режим, предписав его конструируемому «эмоциональному сообществу»

* Результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

– уроженцам Прикарпатья, оказавшимся в непривычной для себя социокультурной среде на территории востока России. Анализ выявленных эмотивов позволяет рассмотреть особенности агитационной деятельности ЦКС и процесса конструирования идентичности карпаторусов «как неотъемлемой части русского народа».

Ключевые слова: гражданская война, Сибирь, карпаторусы (русины), Российское правительство адмирала А.В. Колчака, Центральный карпаторусский совет, история эмоций, эмотивы, эмоциональные сообщества.

The Carpatho-Russian community in the Siberian socio-cultural space during the Civil War (1918–1919): a view through the prism of the history of emotions*

K.A. Konev

Tomsk State University
36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russia
E-mail: konev-k-92@rambler.ru

Abstract

During the Revolution and the Civil War, a few score of thousands of natives of the Ciscarpathian Rus came to Siberia and the Far East as refugees and prisoners of war. All of them, including members of the Central Carpatho-Russian Council (CCC), had to choose different strategies to adapt to the changing environment. At the same time, this forced them to choose sides in the conflict, which, in turn, foregrounded the problem of self-identification. Addressing these issues in terms of the history of emotions, it is possible to build a research model that allows reconstructing and describing the adaptation and self-identification strategies used by the community as a kind of attempt to construct an “emotional community”. This construction itself could occur by creating certain “emotional modes”, which were a set of prescribed emotives – speech acts describing emotions and changing or causing them. Since emotives could be expressed in discourse and rituals, it is appropriate to turn to the analysis of the content of symbolic politics and media, namely the official CCC newspaper *Karpatorusskoe slovo*.

* This research was supported by Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project Nr. 0721-2020-0042.

This research analyses the newspaper publications to identify the emotives used by the CCC for shaping a certain emotional mode for the “emotional community” – the natives of Ciscarpathia, who found themselves in unfamiliar social and cultural environment in Eastern Russia. The analysis allows considering the specificity of the CCC’s agitation activities and the process of construction of the Carpatho-Russian identity as “an inherent part of the Russian people”.

Keywords: Civil War, Siberia, Carpatho-Russians (Rusins), Russian Government of Admiral A.V. Kolchak, Central Carpatho-Russian Council, history of emotions, emotives, emotional communities.

В период революционных событий 1917 г. и гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке находилось несколько десятков тысяч уроженцев Прикарпатской Руси. В первую очередь, это были беженцы, покинувшие разоренные в ходе боевых действий территории. Так, по данным С.Г. Суляка [25: 53], И. Барина и И. Стрелкова [1: 118], в России находилось около 200 тыс. жителей Прикарпатья, часть из которых осела на востоке страны. Карпаторусы были также и среди военнопленных – бывших военнослужащих австро-венгерской армии, размещённых в лагерях на территории востока России. В октябре 1918 г. для упорядочения вопроса о военнопленных Временное Сибирское правительство постановило образовать специальный национальный лагерь для пленных карпаторусов в Омске [2: 175].

Организационными структурами, выражавшими интересы карпаторусов на востоке России, стали сначала челябинский Союз освобождения Прикарпатской Руси, а затем Съезд уроженцев Прикарпатской Руси, состоявшийся в октябре 1918 г. Принятый на съезде устав Карпаторусской центральной организации определил в качестве исполнительного органа, выражавшего волю карпаторусов, Центральный карпаторусский совет (ЦКС), председателем которого был избран А.В. Копыстянский.

К настоящему времени в ряде публикаций И. Барина, И. Стрелкова [1], С.Г. Суляка [25], И.В. Нам и Н.И. Наумовой [14; 15], Д.Н. Шевелёва [31–33] рассмотрены вопросы, связанные с деятельностью съездов карпаторусов и Центрального карпаторусского совета, с его взаимоотношениями с существовавшими в Омске антибольшевистскими правительствами, с формированием воинских частей русинов на востоке России, с вовлечением уроженцев Прикарпатья в идеологические кампании антибольшевистских сил.

Тем не менее представляет интерес проблематика, связанная с особенностями самоидентификации и адаптации карпаторусов, оказавшихся в удалении от родных мест на периферийной ранее

территории, ставшей в экстремальных условиях гражданской войны центром формирования новых антибольшевистских органов власти.

Менявшаяся политическая и военная обстановка вынуждала рядовых беженцев, военнопленных, представителей интеллигенции и политического руководства карпаторусского движения избирать те или иные стратегии адаптации и искать способы консолидации сообщества, к которому они относились. Это в свою очередь актуализировало и задачу самоидентификации данного сообщества.

Представляется уместным рассмотреть обозначенную проблематику через призму истории эмоций – молодого направления, оформившегося на стыке гуманитарного и естественно научного знания и переживающего, по словам Яна Плампера, «взрывообразное развитие» [17: 15]. Применение теоретических положений авторов, работающих в данном направлении, позволяет выстроить исследовательскую модель, с помощью которой возможно реконструировать и охарактеризовать применявшиеся карпаторусами на востоке России стратегии адаптации и самоидентификации. Интерес в данном случае представляет предложенная Б. Розенвейн концепция «эмоциональных сообществ», которые определяются исследовательницей как группы, в которых люди разделяют одни и те же нормы по поводу выражения эмоций и одинаково оценивают одни и те же эмоции или не признают за ними ценности [37: 1, 11]. К таковым могли относиться как группы, основанные на личных связях, – семьи, общины, гильдии и т. п., так и текстуальные сообщества, объединённые с помощью средств коммуникации [37: 11; 38: 842].

Интерес также представляют и теоретические построения У. Редди [36], предложившего такие понятия, как «эмоциональный режим», «эмотив», «эмоциональное убежище», «эмоциональная навигация». По мнению ученого, эмотив – речевой акт, способный не только описывать эмоцию, но и изменять/создавать её. Соответственно, эмоциональный режим – набор предписанных эмотивов и связанных с ними символических практик. Каждый политический режим, по мнению Редди, поддерживается эмоциональным. Как указала Б. Розенвейн, оба понятия – эмоциональные сообщества и режимы – тесно связаны: доминирование определенного эмоционального сообщества над текстами и нормами значительной части общества приводит к формированию определенного эмоционального режима [37: 22].

По словам Розенвейн, один и тот же человек мог входить в различные эмоциональные сообщества. Очевидно, что и уроженцы Прикарпатья являлись членами подобных социальных групп. Вместе с тем интерес представляет вопрос: в какой степени сообщество

карпаторусов, находившихся на востоке России под политическим руководством ЦКС, само по себе являлось эмоциональным сообществом, и каковы были его границы?

Представляется, что активная часть карпаторусского движения на востоке России – руководство ЦКС, военные и интеллигенция, вовлекающая остальных уроженцев Прикарпатья в политическую и общественную жизнь Белой Сибири, создавая вооружённые формирования, осуществляя информационную и пропагандистскую деятельность, пытались сконструировать определённое эмоциональное сообщество и навязать ему соответствующий эмоциональный режим. В рамках данного сообщества с помощью трансляции ряда эмотивов происходила не только консолидация всех карпаторусов, но и вырабатывались «правильные», с точки зрения его создателей, модели поведения, которые позволили бы карпаторусам успешно интегрироваться в российское общество в качестве его неотъемлемой части.

Следовательно, цель данной работы – путём выявления и анализа эмотивов, которые использовались руководством ЦКС для формирования эмоционального режима, охарактеризовать процесс конструирования эмоционального сообщества, призванного включать в себя уроженцев Прикарпатской Руси, оказавшихся на востоке России. Необходимо при этом отметить, что в статье реконструируются элементы эмоционального режима, формировавшегося руководством и идеологами ЦКС, а также журналистами, затрагивавшими соответствующие темы. Следовательно, речь идёт не о реконструкции и анализе эмоций всего сообщества, а прежде всего об изучении того эмоционального режима, который для этого сообщества предназначался и транслировался как своего рода норма.

Поскольку эмотивы могли выражаться и в дискурсе, и в ритуалах, уместно обратиться к анализу содержания символической политики, проводившейся лидерами рассматриваемого сообщества, а также средств массовой информации, использовавшихся ими для распространения значимых идей и образов. Представители ЦКС в Сибири издавали в 1918–1919 гг. газету «Карпаторусское слово», являвшуюся официальным органом организации. Выходили также однодневные газеты и листовки, приуроченные к значимым событиям. Таким образом, основным источником для данного исследования стали материалы периодической печати.

Аналізу подверглись номера газеты с 1-го по 25-й, выходившие с 20 декабря 1918 г. по 23 октября 1919 г. сначала в Екатеринбурге, затем в Омске. Выявленные эмотивы и контексты их применения позволили сделать вывод о наличии двух основных компонентов, на основе которых конструировался эмоциональный режим.

Первый компонент включал в себя группу эмотивов, описывавших и актуализировавших ряд негативных эмоций, главными из которых являлись горе, страдание, печаль. Данные эмотивы применялись как в контексте репрезентации самого сообщества карпаторусов, так и при формировании образов врагов, при оценке событий прошлого и настоящего.

Карпаторусы как сообщество коллективного страдания. Как было показано ранее, ключевым мотивом, репрезентация которого происходила на страницах газеты «Карпаторусское слово», являлась идея «единства русского народа», согласно которой карпаторусы рассматривались в качестве представителей русского народа, а территория Буковины, Галицкой и Угорской Руси – как неотъемлемая часть Российского государства. Данная идея была упакована в связный рассказ – нарратив о «Единой Неделимой Руси», объединявший разрозненные газетные тексты различных жанров в слитное сверхтекстовое повествование со своим сюжетом и акторами [32: 172].

В рамках данного идеологически нагруженного рассказа карпаторусы представляли в образе сообщества угнетаемого, терпящего бедствия и лишения во имя идеи единства русского народа. Подчеркивался при этом масштаб переживаемых страданий. «Братья! Всеми миру известны наши бесконечные страдания и мучения. Наша дорогая Родина дотла разорена, и сотни тысяч её лучших сынов нашли смерть от руки тевтоно-мадьярских палачей», – говорилось в воззвании ко всем уроженцам Прикарпатской Руси, подписанном А. Копыстьянским и Н. Лозинским [3]. Подчёркивалось при этом, что идея единства русского народа для карпаторусов имела особую ценность и значимость в силу того, что вопрос этот «был выстрадан, куплен дорогою ценою многовекового порабощения!» [22].

При актуализации темы страданий использовались также религиозные образы и мотивы, подчёркивавшие масштаб и тяжесть описываемых событий. На заседании II Карпаторусского съезда в апреле 1919 г. А. Копыстьянский характеризовал произошедшие за пять лет события как «русскую Голгофу», «воздвигнутую на костях 9 миллионов лучших сынов Руси». «И чем дальше к западу, тем рельефнее выступают контуры русской Голгофы. Но самую страшную картину мучений и стараний мы видим на склонах Карпатских гор, в нашей разрушенной несчастной Родине» [4]. Так, наряду с коллективным образом карпаторусов как сообщества страдания создавался и образ Галиции как земли, наводнённой горем и разрушениями. Данный образ должен был мотивировать представителей сообщества на активные действия – вступление в карпаторусский отряд и уплату пожертвований. «Слышишь ли стоны матерей и сестёр, гибнущих от

холода и голода, видишь ли пожары и разрушения родных гнезд? Почему же ты не уплатил ещё национального налога и лавины-подати? Неужели молчит твоя совесть?» – гласил лозунг в одном из номеров газеты [24].

Покушения на территорию Прикарпатской Руси со стороны соседей, расценивавшиеся как удар по единству России, вызывали эмоциональный отклик со стороны руководства ЦКС. Например, сообщение о захвате поляками Львова в апреле 1919 г., по словам автора публикации «Вести с Родины», вызывало чувство «боли и скорби в сердцах всех карпаторусов» [12]. Подобные перформативные высказывания призваны были привить читателю определенный тип реакции на события, способствовать конструированию сообщества карпаторусов как эмоционального – «мы, те, кто скорбит о...», а также побуждать тем самым к конкретным действиям. Общее горе при этом должно было сплотить не только карпаторусов, но и весь русский народ. «Ничто так не сближает людей, как обоюдное несчастье», – подчёркивал некто Н. К-к, по мнению которого «спасение» России «возможно исключительно путем глубокого национального сознания, воссоздания души русского народа, проникновения в свои национальные святыни» [11].

В конечном счёте, все потери и страдания карпаторусов выступали в качестве своеобразного символического капитала, который должен был стать залогом благополучного будущего Прикарпатской Руси. «Вековые страдания нашего народа, великая искупительная жертва, принесённая им на алтарь верности идее в нынешнюю войну, незаметные подвиги наших соплеменников, сражавшихся в разных союзнических армиях против центральных империй, – всё это не может пропасть даром», – полагал автор статьи, посвящённой рассмотрению вопроса о Прикарпатье на мирной конференции в Версале [20].

Таким образом, конструируя образ карпаторусов как сообщества, претерпевшего множество страданий, идеологи карпаторусской организации на востоке России использовали пережитые и переживаемые негативные эмоции в качестве ресурса, способного обеспечить символическое единство сообщества или подтолкнуть его к решительным действиям. Применение соответствующих эмотивов призвано было в данном случае путем надавливания на «болеющую точку» актуализировать идею «единства русского народа», ценность которой была подкреплена многочисленными страданиями и лишениями.

Германцы, «самостийники» и большевики как причина страданий карпаторусов. В процессе конструирования образов врагов также происходила актуализация негативных эмоций. Как следовало из газетных публикаций, Центральные державы и их союзники или

«пособники», будучи ответственными за переживаемые карпаторусами и остальным населением России страдания, наделялись самыми нелицеприятными характеристиками, что обуславливало применение ряда соответствующих эмотивов.

Ключевым антигероем рассказа о «Единой Неделимой Руси» выступали германцы и венгры, зависимость от которых в период существования Австро-Венгрии характеризовалась как «иги» и «кошмарное угнетение» [22]. Эмоционально окрашенные отрицательные характеристики формировавшегося образа врага подчёркивали его негативные качества и стремление поработить или уничтожить карпаторусов – «кровожадный палач» [28], «оскотиневший гунн и зверский германец» [5].

Аналогичным образом характеризовались и действия австрийцев и венгров. В стихотворении «Песнь нашего воина» «злой мадьяр и хитрый лях» «коварно разорили» русские земли, а их «дикий гнёт» являлся причиной вооружённого сопротивления карпаторусов [6]. По мнению автора обзорной статьи «Прикарпатская Русь на мирной конференции», цель «дьявольской работы германо-мадьяр заключалась в стремлениях завоевать русские области не только с помощью оружия (что им оказалось не по силам), но и посредством привнесения вражды и взаимного озлобления в единую русскую семью, сделать своё чёрное дело с помощью русских же рук» [19].

Эмотивами, ретроспективно актуализировавшими негативные эмоции, были наполнены публикации, посвящённые началу мировой войны и гонениям на карпаторусов со стороны австрийских властей. Описанию эмоционального состояния карпаторусских узников Терезинской тюрьмы уделялось особое внимание в очерках, рассказывавших о попытках заключённых отпраздновать религиозные праздники. Карпаторусы переживали целый спектр чувств – от радостного волнения в ожидании церковной службы до печали и страданий во время и после неё. «И хотя в нашем каземате обитала главным образом студенческая молодёжь, которая всегда стоически, а даже с оттенком какого-то высокомерного презрения переносила тяжёлые минуты заключения, сегодня стояли все понуря головы, как будто стыдясь тех слез, которые так упорно просились наружу. Слишком уж тяжело было на душе. Да и сам батюшка иногда тайком утирал слезу», – вспоминал Рождество 1914 г. один из узников [35].

В большой статье «Маминка», которая была посвящена чешке, оказывавшей материальную помощь карпаторусам в Терезинской тюрьме и за доброту прозванной Маминкой, подчёркивалась особая жестокость тюремных надзирателей-австрийцев. «В изобретении всякого рода пакостей и мытарств отличался возненавиденный

всеми нами взводный Сальман, который с утончённым сладострастием продерживал маминку долгое время у входа к нам, особенно в дождливую погоду или морозные дни, обращая к ней грубо и всегда клевета на неё перед своим начальством», – писал автор публикации [34].

Эмоциональные характеристики титульных наций двуединой монархии Габсбургов позволяли формировать в их лице образ жестокого, коварного и хитрого противника, все действия которого являлись причиной страданий и озлобленности карпаторусов. Ещё одним антигероем являлись «украинские самостийники», характеризовавшиеся как «политический эксперимент Центральных держав над русским народом» и «кучка фанатиков» [20]. Деятельность «сепаратистов» также служила источником негативных эмоций в сообществе карпаторусов. Так, по словам А.В. Копыстьянского, «пользуясь бедственным положением военнопленных (карпаторусов. – К.К.), самостийники развивали в них чувство ненависти ко всему русскому и запугивали их всякими ложными слухами, угрозами и сплетнями» [4].

Аналогично осуществлялась и репрезентация негативного образа большевиков, формировавшегося также посредством эмоционально окрашенных характеристик. Характеризуя Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, автор одной из публикаций в однодневной газете «День карпаторусса» заострял внимание на эмоциональном факторе: «Злобные, отвратительные речи, переполненные бесконечными мучительно надоевшими словами "пролетариат", "империалисты", "без аннексий и контрибуций", речи, в которых было всё, что угодно, кроме любви к России и её национальным святыням. Всё дышало нечеловеческой ненавистью и враждой». В ином свете представлялся карпаторусский съезд, где «всё было проникнуто атмосферой высокого патриотизма и любви» [30].

Другой важный компонент, на основе которого выстраивался эмоциональный режим, включал в себя ряд эмотивов, обозначавших позитивно воспринимавшиеся эмоции, – радость, бодрость, любовь, воодушевление.

Положительные эмоции как инструмент консолидации. Необходимо отметить, что, позиционируя карпаторусов в качестве сообщества коллективного страдания, идеологи и лидеры ЦКС в Сибири в то же время стремились с помощью перформативных высказываний подтолкнуть это сообщество к иным, более позитивным эмоциям. Причём нередко они могли обозначаться косвенно – через попытки воспрещения испытывать негативные чувства. Так, ряд воззваний и статей, опубликованных в «Карпаторусском слове», включал в себя призывы, требовавшие от читателей не унывать и сохранять бодрость.

В упомянутом выше обращении А. Копыстьянского и Н. Лозинского ко всем уроженцам Прикарпатской Руси звучали, в частности, такие слова: «Велико наше горе, но не нам, закалённым в вековой борьбе за русские идеалы, унывать и падать духом. Ведь только раб страдает и отчаивается, свободный же гражданин предпочитает смерть бесславной жизни. <...> Прочь уныние и отчаяние! Все к оружию!» [3].

Избавление от негативных эмоций провозглашалось необходимостью, важным условием налаживания эффективной деятельности Карпаторусского совета и решения проблем, стоявших перед властью и обществом. «Не уныние и оглядка, а напряжение всех сил, бодрость и мудрая стремительность должны сделаться достоянием всего общества в преддверии великих событий, приближающих родину к желанной пристани мирного культурного развития и экономического преуспевания», – писал некто Омский в первом выпуске газеты [16]. В контексте обсуждения вопроса о регистрации карпаторусских беженцев в Сибири аналогичным образом подчёркивалось, что «разочарованию и апатии менее всего должно быть места в переживаемый нами политический момент, так как подобные настроения не имеют под собой никакого разумного основания» [13]. Показательно в данном случае то, что побуждение к отрицанию негативных эмоций связывалось с апелляцией к рационализму. Как представляется, это призвано было подталкивать читателя к мысли том, что отказ от «разочарования» и «апатии» в пользу позитивного мировосприятия – разумный, сознательный шаг, способствующий скорейшему разрешению насущных проблем в текущей ситуации.

Необходимо отметить также, что именно способность не подчиняться всецело негативным эмоциям провозглашалась одной из ключевых характеристик карпаторусской общности, выступая для неё своего рода цементирующим элементом. Ретроспективная актуализация темы страданий, виновниками которых являлись австрийцы и мадьяры, сопровождалась параллельным выстраиванием образа карпаторусов как никогда не унывающего сообщества. Отвечая на вопрос: «Пал ли наш народ духом в это время страшных гонений?», автор «Катехизиса добровольца-карпаторусса» подчёркивал, что «наш народ никогда не унывал и не поддавался отчаянию; чем больше его угнетали, тем крепче он держался своего родного русского языка, своей прадедной веры» [10].

Происходила также и прямая артикуляция объединявших сообщество положительных эмоций, которые необходимо было испытывать. Ключевой из них была любовь – как к собратьям-землякам, так и к родной земле. В небольшой заметке «Русь проснулась», опубликованной во втором номере «Карпаторусского слова», в образной форме

говорилось о песне, символизировавшей возрождение «русского Духа» на Буковине. «Возвещай (песня. – К.К.), что все родные заветы, исконные и святые, влекут к себе и великого, и малого; что по всем просторам объединила нас братская любовь, что слава, что счастье вернулось к нам снова», – писал автор [23].

Сообщения о съездах, мероприятиях и праздниках, организованных ЦКС, неизменно подкреплялись указанием на царившие среди участников воодушевление и эмоциональный подъем. На Съезде карпаторусских колоний в Челябинске в октябре 1918 г. В.В. Шемердяк, докладывавший о процессе создания карпаторусского добровольческого отряда, отмечал «редкое воодушевление и сознательное отношение к долгу воина-гражданина, царящее среди добровольцев» [26]. Праздник карпаторусского полка, включивший в свою программу молебен, церемониальный марш и торжественный завтрак, сопровождался «несмолкаемым “ура”», исполнением гимнов, тостами, речами и приветствиями, также отличавшимися «глубокой искренностью и воодушевлением» [18]. Таким образом, вовлечение карпаторусов в подобные мероприятия делало их соучастниками эмоционально заряженного действия, подталкивавшего к коллективному проживанию «радостного возбуждения», «воодушевления», «волнения». Кроме того, имплицитно эти же эмоциональные состояния транслировались и читателям – членам текстуального сообщества, объединенного газетой.

Позитивные эмоции в контексте моделей будущего. По словам У. Уорнера, рассматривавшего особенности ментального воздействия различных символов и знаков, «значения “здесь и сейчас” фактически никогда не бывают полностью отделёнными от воспоминаний о прошлом и от предвосхищений грядущего» [27: 522]; <...> «завтрашние значения подготавливаются значениями сегодняшними; значения настоящего прочно базируются на значениях вчерашних» [27: 526].

Вспоминаемое на страницах газеты прошлое, интерпретируемое как период угнетения и страданий с помощью соответствующих знаков – эмотивов, выражавших негативные эмоции, служило также фундаментом для конструирования образа будущего, несомненно, счастливого. Рассуждения о минувшем и предстоящем включали в себя эмоционально нагруженные конструкции, выступавшие в качестве позитивных характеристик привлекательного образа будущего, а также средств консолидации сообщества карпаторусов.

Окончание мировой войны открывало, по мнению редакции и авторов «Карпаторусского слова», широкие перспективы перед славянскими народами. Вместе с тем нерешённость судьбы Прикарпатья рассматривалась как существенное препятствие для достижения

единства русского народа. Уверенность в скором воссоединении Прикарпатья и России связывалась с верой в «принцип самоопределения наций», подкреплённый авторитетом и поддержкой стран-победительниц в мировой войне. «В этой вере в светлое будущее нашей родины мы черпаем и будем черпать силы для преодоления последних препятствий, созданных условиями нашего подъярённого существования, помня, что близок час торжества свободы, права и справедливости для нашей ближайшей родины Карпатской Руси, великой родины нашей России и всего славянства», – отмечалось в публикации, касавшейся событий в Восточной Галиции [29].

Пытаясь привлечь внимание сибирской общественности к данному вопросу, редакция газеты подчёркивала, что «в настоящее время, как никогда более, должна рухнуть стена безразличного равнодушия и непонимания общественным мнением законных стремлений и чаяний русского Прикарпатья, и её место должны занять братская любовь, взаимное понимание и взаимная поддержка» [22].

Будущее как эпоха торжества любви фигурирует и в стихотворении «За Русь» – марше карпаторусских студентов:

Ура! Наш век русско-славянский,

Идёт наш век любви, добра,

Вперёд же, Русь, вперед же, Русь. Ура! На бой! Ура! [8].

В одной из публикаций серии «Простая беседа», предназначенной для простых, малограмотных читателей и использовавшей поэтому разговорный язык, рисовался образ полного радости будущего, которое наступит в том случае, если карпаторусы сплотятся и встанут «рядями дружно на работу» – «...то буде радість, і охота, і світ увидит Руси славу і исчезнут вороги лукаві, як дым розвієсь тяжка доля і усміхнесь на Руси воля» [21].

Стремление оставить негативные эмоции, прежде всего страх, в прошлом прослеживается в публикациях, призывавших смело смотреть в будущее, как бы туманно оно не было. Так, в новогоднем выпуске газеты уверенность в скором воссоединении Прикарпатья и России сопровождалась словами: «...с этой верой мы без страха и сомнения глядим в глаза будущему» [9].

В рамках упомянутых выше праздников и мероприятий также создавались ситуации, при которых прошлое и настоящее, встречаясь, влияли на эмоциональное состояние участников, что стремились отразить и публицисты. В статье о Сочельнике в Карпаторусском отряде была показана характерная двойственность эмоционального состояния солдат. Испытывая «горечь разлуки с ближайшей родиной, которая привыкла терзать грудь особенно в такие моменты, как Ро-

ждество, Пасха и др.», бойцы в то же время вели «задушевные разговоры о счастливых минутах рождественских праздников в прошлые года» и выражали уверенность, что «следующий год даст возможность провести праздники уже на освобождённой Родине...» [7]. Представляется, что актуализация воспоминаний о страданиях, их коллективное проживание в сочетании с символическими действиями – богослужениями, молитвами, исполнением песен и музыки, воинскими ритуалами превращали подобные действия и соответствующие мероприятия в акты конвертирования негативных эмоций, связанных с прошлым, в позитивные чувства, место которым в благополучном, счастливым будущем.

В заключение отметим следующее. Эмоциональный режим, формировавшийся руководством ЦКС дискурсивно с помощью подконтрольной ему газеты, а также в рамках символических практик, предписывал испытывать членам создававшегося эмоционального сообщества два, на первый взгляд, противостоявших друг другу набора чувств. Печаль и тоска в связи с оторванностью Прикарпатской Руси от России, ненависть к врагам «единства России» и проживание прошлых страданий выражались совокупностью эмотивов, отвечавших за актуализацию негативных чувств и появившихся в каждом номере «Карпаторусского слова». С тем же постоянством транслировались эмотивы, отвечавшие за позитивные эмоции – любовь к родному краю и «собратьям-карпаторусам», бесстрашие, воодушевление, надежду на лучшее.

Используя терминологию У. Редди, можно сказать, что «эмоциональная навигация» в рамках данного эмоционального режима предполагала маневрирование между двумя этими нормами поведения. Иными словами, идеальным представителем карпаторусского сообщества мог считаться тот, кто страдал из-за притеснений, искренне переживал за судьбу Прикарпатья, презирал «австро-мадьяр», большевиков и «самостийников», но в то же время не поддавался унынию и сохранял веру в скорое объединение и «возрождение России». Режим, однако, не предлагал каких-либо эмоциональных убежищ – отношений, ритуалов или организаций, позволявших высвободиться от преобладавших эмоциональных норм и ослабить эмоциональные усилия [36: 129]. Уныние и страх вместо предписанных бодрости и радости, например, порицались, равно как и всякие проявления апатии и равнодушия.

Стремясь реконструировать эмоциональный режим, формировавшийся лидерами карпаторусской организации на востоке России, необходимо отдавать себе отчёт в том, что он не был и не мог быть воспринят всеми карпаторусами. Невозможно и в полной мере уста-

новить, какова была реакция сообщества на предлагавшийся набор эмотивов и какие эмоции при этом испытывались и выражались. Не исключено, что многие карпаторусы действительно испытывали и продолжали испытывать страдания, о которых нередко писали публицисты, как верно и то, что многие из тех, кто верил в лозунги, провозглашавшиеся ЦКС, вполне искренне могли радоваться успехам деятельности организации. Уместно также предположить, что, вопреки предписаниям эмоционального режима, могли существовать альтернативные эмоциональные убежища, предлагавшиеся иными политическими силами, например большевиками, с другим набором предписываемых эмоций и соответствующих эмотивов.

Будучи способом конструирования эмоционального сообщества карпаторусов, рассмотренный эмоциональный режим являлся также элементом стратегии адаптации, избранной лидерами Карпаторусской организации. Стремление показать себя в образе страдальцев за идею «единства Руси» преследовало политические цели – заявить о лояльности и добиться поддержки антибольшевистских правительств. В данном случае можно говорить об успешности выбранной стратегии. Антибольшевистскими силами карпаторусы рассматривались как союзники, а попытки формирования отдельного карпаторусского воинского подразделения подтверждают заинтересованность Омска в данной политической силе.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Баринов И., Стрелков И.* А.В. Копыстьянский и его деятельность в России в годы гражданской войны, 1918–1920 гг. // Русин. 2012. № 3 (29). С. 116–126.
2. Временное Сибирское правительство (26 мая – 3 ноября 1918 г.): сб. док. и материалов / Сост. и науч. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск: ИД «Сова», 2007. 818 с.
3. Всем уроженцам Прикарпатской Руси // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. 20 дек.
4. Второй карпаторусский съезд // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 4 мая.
5. *Гаталяк П.П.* Праздник в тюрьме // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. 4 февр.
6. *Дмухась Г.* Песнь нашего воина // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. 20 дек.
7. Доброволец. Сочельник у наших войск // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. 28 янв.
8. За Русь (Марш карпаторусских студентов) // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 11 мая.
9. Итоги // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. 1 янв.

10. Катехизис добровольца-карпаторусса // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. 18 янв.
11. К-к Н. Праздник русского единения // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 20 апр.
12. Л-ский И. Вести с родины // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 11 апр.
13. Л-ский И. К вопросу о регистрации беженцев // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 25 мая.
14. Нам И.В., Наумова Н.И. Съезды карпаторуссов в Сибири в годы гражданской войны. 1918–1919 // Русин. 2014. № 3 (37). С. 152–166. DOI: 10.17223/18572685/37/11
15. Нам И.В., Наумова Н.И. Карпаторусская проблема на Парижской мирной конференции (1919 г.) // Русин. 2018. № 53. С. 172–192. DOI: 10.17223/18572685/53/10
16. Омский. К событиям в Омске // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. 1 янв.
17. Плампер Я. История эмоций / Пер. с англ. К. Левинсона. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.
18. Полковой праздник карпаторуссов // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 1 окт.
19. Прикарпатская Русь на мирной конференции // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 4 апр.
20. Прикарпатская Русь на мирной конференции // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 11 апр.
21. Простая беседа Панька Макогона // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 6 июля.
22. Россия и Карпатская Русь // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. 20 дек.
23. Русь проснулась // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. 1 янв.
24. Слышишь ли... // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 1 июня
25. Суляк С.Г. Русины в период Первой мировой войны и Русской смуты // Русин. 2006. № 1 (3). С. 46–65.
26. Съезд делегатов карпаторусских колоний в Челябинске // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. 20 дек.
27. Уорнер У. Живые и мертвые. М.; СПб.: Университетская книга, 2000. 671 с.
28. Центрального карпаторусского совета по карпаторусским войскам Приказ № 1 // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. 1 янв.
29. Что происходит в Восточной Галичине? // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1918. 20 дек.
30. Шамурин Е. За святую Русь // День карпаторусса. 1919. Омск. 12 сент.
31. Шевелёв Д.Н. Окончание Первой мировой войны и карпаторусский вопрос: взгляд из Сибири (осень 1918 – осень 1919 г.) // Русин. 2019. № 57. С. 66–83. DOI: 10.17223/18572685/57/5
32. Шевелёв Д.Н., Конев К.А. Тема «Великой войны» во взаимоотношениях Российского правительства адмирала А.В. Колчака и Центрального Карпаторусского совета (1918–1919 гг.) // Русин. 2014. № 3 (37). С. 167–181. DOI: 10.17223/18572685/37/12

33. Шевелёв Д.Н., Конев К.А. «За Россию и за общее дело славянства»: официальная и проправительственная печать Белой Сибири о формировании на её территории карпаторусских воинских частей // Русин. 2015. № 4 (42). С. 143–167. DOI: 10.17223/18572685/42/11

34. Юра. Маминка // Карпаторусское слово. Омск. 1919. 11 мая.

35. Юра. Святая ночь в Терезинской крепости в 1915 году // Карпаторусское слово. Екатеринбург. 1919. 10 янв.

36. Reddy W.M. The Navigation of Feeling. A Framework for the History of Emotions. New York: Cambridge University Press, 2001. 394 p.

37. Rosenwein B.H. Problems and Methods in the History of Emotions // Passions in Context. International Journal for the History and Theory of Emotions. 2010. № 1. P. 1–30. URL: https://www.passionsincontext.de/uploads/media/01_Rosenwein.pdf (дата обращения: 10.10.2020).

38. Rosenwein B.H. Worrying about Emotions in History // American Historical review. 2002. Vol. 107, № 3. June. P. 821–845.

REFERENCES

1. Barinov, I. & Strelkov, I. (2012) A.V. Kopystyansky and his activities in Russia during the Civil War (1918–1920). *Rusin*. 3(29). pp. 116–126 (in Russian).

2. Shishkin, V.I. (2007) *Vremennoe Sibirskoe pravitel'stvo (26 maya – 3 noyabrya 1918 g.)* [Provisional Siberian government (May 26 – November 3 1918)]. Novosibirsk: Sova.

3. *Karpatorusskoe slovo*. (1918) Vsem urozhentsam Prikarpat'skoy Rusi (Galitskoy, Bukovinskoy i Ugorskoy Rusi) [To all natives of Ciscarpathian Rus (Galicia, Bukovina, Ugric Rus)]. 20th December.

4. *Karpatorusskoe slovo*. (1919a) Vtoroy karpatorusskiy s'ezd [The Second Carpathorussian Convention]. 4th May.

5. Gatalyak, P.P. (1919) Prazdnik v tyur'me [Celebration in prison]. *Karpatorusskoe slovo*. 4th February.

6. Dmukhar, G. (1918) Pesn' nashego voina [The song of our warrior]. *Karpatorusskoe slovo*. 20th December.

7. Dobrovolets. (1919) Sochel'nik u nashikh voysk [Christmas Eve in our troops]. *Karpatorusskoe slovo*. 28th January.

8. *Karpatorusskoe slovo*. (1919b) Za Rus' (Marsh karpatorusskikh studentov) [For Rus' (The march of Carpathorussian students)]. 11th May.

9. *Karpatorusskoe slovo*. (1919c) Itogi [Results]. 1st January.

10. *Karpatorusskoe slovo*. (1919d) Katekhizis dobrovol'tsa-karpatorussa [Catechism of the Carpathorussian volunteer]. 18th January.

11. K-k, N. (1919) Prazdnik russkogo edineniya [Holiday of Russian unity]. *Karpatorusskoe slovo*. 20th April.

12. L-skiy, I. (1919a) Vesti s rodiny [News from home]. *Karpatorusskoe slovo*. 11th April.

13. L-skiy, I. (1919b) K voprosu o registratsii bezhentsev [On the registration of refugees]. *Karpatorusskoe slovo*. 25th May.

14. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2014) Carpatho-Russian Conventions in Siberia during the Civil War (1918–1919). *Rusin*. 3(37). pp. 152–156 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/11

15. Nam, I.V. & Naumova, N.I. (2018) The Carpatho-Russian problem at the Paris Peace Conference in 1919. *Rusin*. 3(53). pp. 172–192 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/53/10

16. Omskiy. (1919) K sobytiyam v Omske [To the events in Omsk]. *Karpatorusskoe slovo*. 1st January.

17. Plamper, Ya. (2018) *Istoriya emotsiy* [History of emotions]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

18. *Karpatorusskoe slovo*. (1919e) Polkovoy prazdnik karpatorussov [Regimental holiday of the Carpathian-Russians]. 1st October.

19. *Karpatorusskoe slovo*. (1919f) Prikarpatskaya Rus' na mirnoy konferentsii [Cisarcpathian Rus at the Peace Conference]. 4th April.

20. *Karpatorusskoe slovo*. (1919g) Prikarpatskaya Rus' na mirnoy konferentsii [Cisarcpathian Rus at the Peace Conference]. 11th April.

21. *Karpatorusskoe slovo*. (1919h) Prostaya besida Pan'ka Makogona [Simple conversation of Panko Makogona]. 6th July.

22. *Karpatorusskoe slovo*. (1918a) Rossiya i Karpatskaya Rus' [Russia and Carpathian Rus]. 20th December.

23. *Karpatorusskoe slovo*. (1919i) Rus' prosnulas' [Rus' has woken up]. 1st January.

24. *Karpatorusskoe slovo*. (1919j) Slyshish' li... [Do you hear...]. 1st June.

25. Sulyak, S.G. (2006) Rusiny v period Pervoy mirovoy voyny i Russkoy smuty [The Rusins during World War I and the Russian distemper]. *Rusin*. 1(3). pp. 46–65 (in Russian).

26. *Karpatorusskoe slovo*. (1918b) S'ezd delegatov karpatorusskikh koloniy v Chelyabinske [Convention of delegates of the Carpathian colonies in Chelyabinsk]. 20th December.

27. Warner, W. (2000) *Zhivye i mertvye* [The Living and the Dead]. Moscow; St. Petersburg: Universitetskaya kniga.

28. *Karpatorusskoe slovo*. (1919k) Tsentral'nogo karpatorusskogo soveta po karpatorusskim voyskam Prikaz Nr.1 [Order Nr. 1 for Carpathian troops of the Central Carpathian Council]. 1st January.

29. *Karpatorusskoe slovo*. (1918c) Chto proiskhodit v Vostochnoy Galichine? [What is happening in eastern Galicia?]. 20th December.

30. Shamurin, E. (1919) Za svyatuyu Rus' [For Holy Rus']. *Den' karpatorussa*. 12th September.

31. Shevelev, D.N. (2019). The end of the First World War and the Carpathian question: a view from Siberia (autumn 1918 – autumn 1919)]. *Rusin*. 57. pp. 66–83 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/57/5

32. Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2014) The theme of the “Great War” in the interaction of Russian government of Admiral A.V. Kolchak and the Central Carpatho-Russian Council (1918–1919). *Rusin*. 3(37). pp. 167–181 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/37/12

33. Shevelev, D.N. & Konev, K.A. (2015) "For Russia and for the Slavdom": the official and pro-governmental press of the White Siberia on the formation of Carpatho-Russian military units on its territory. *Rusin*. 4 (42). pp. 143–167 (in Russian). DOI: 10.17223/18572685/42/11

34. Yura. (1919l) Maminka [Mother]. *Karpatorusskoe slovo*. 11th December.

35. Yura. (1919m). Svyataya noch' v Terezinskoy kreposti v 1915 godu [Holy Night in the Terezin Fortress in 1915]. *Karpatorusskoe slovo*. 10th January.

36. Reddy, W.M. (2001) *The Navigation of Feeling. A Framework for the History of Emotions*. New York: Cambridge University Press.

37. Rosenwein, B.H. (2010) Problems and Methods in the History of Emotions. *Passions in Context. International Journal for the History and Theory of Emotions*. 1. pp. 1–30. [Online] Available from: https://www.passionsincontext.de/uploads/media/01_Rosenwein.pdf (Accessed: 10th October 2020).

38. Rosenwein, B.H. (2002) Worryng about Emotions in History. *American Historical Review*. 107(3). pp. 821–845. DOI: 10.1086/ahr/107.3.821

Конеv Кирилл Александрович – ассистент кафедры истории древнего мира, средних веков и методологии истории Томского государственного университета (Россия).

Kirill A. Konev – Tomsk State University (Russia).

E-mail: konev-k-92@rambler.ru

UDC 94 (477.7)“1917/1920”

УДК

DOI: 10.17223/18572685/63/8

South Ukraine Greek community under revolutionary upheavals and armed conflicts (1917–1920)

O.P. Trygub¹, O.V. Osypenko²

¹ Petro Mohyla Black Sea National University
10 68 Desantnykiv Street, Mykolaiv, 54003, Ukraine
E-mail: alextrigub@ukr.net

² Odessa National Maritime University
34 Mechnikov Street, Odessa, 65029, Ukraine
E-mail: osupenkooleksandr@ukr.net

Abstract

The revolutionary changes of 1917 contributed to the intensification of the political, national, and cultural life of the Greek community of the entire Black Sea and Azov Sea coasts, where the national states emerged on the shards of the former Russian Empire. In contrast to the Azov Sea region, where the Greeks had an active social and political life and by the end of 1917 had formed the Mariupol Union of the Hellenic People, the Greeks of the Northern Black Sea region were quite apolitical and inactive. Their attitude to the Ukrainian and Soviet powers was rather ambiguous, and during 1917 they maintained, mainly, a wait and see position. Only individual representatives of the Greek people were affiliated with one or another party, which was more an exception than a typical feature of the Greek community. The Greeks fought in the ranks of the Imperial Army, N. Makhno's Rebel Army, in the Red Army, in regular units and partisan detachments of the Volunteer Army. In contrast to the rural population, which opposed the Volunteer Army and its policies, the urban communities of Odessa, Nikolaev, and Kherson actively supported both the French-Greek Entente troops and Denikin's Volunteer Army. Most urban Greeks were well-to-do middle-class persons running small and medium businesses (restaurants, hotels, grocery stores, various workshops, etc.) and did not accept the ideas of social and property equality proclaimed by the Bolsheviks. The article draws on the periodical press and undefined documents of the Soviet Special Services to define the role of the Greek communities of the Ukrainian Black Sea Region cities in the revolutionary events. The authors analyze the role of the Greek community mem-